

А. М. Карпеев

Моему другу А. Морозову

Огонь и мед

I

Возобновив лирический сюжет,
Заброшенный людьми в семнадцать лет,
В обломках обнаружишь Марсельезу,
Невиданный Париж, Мирей Матье,
И Франсуа Виллона-Монкорбье,
И рифму к Марсельезе, «митральезу».

Утрачена тетрадка, где паслись
Деметра, Митра, выпренняя высь,
Заявленное звонкое названье,
Торцины и торцеты до конца,
Шипы, цветы и ягодки венца,
Заранее известное страданье.

Умчался век эпических поэм,
Хотя я так и не вместил, зачем
Умчался, за каким великим надом.
И сказано, что главное — не взлом,
А то, что начинается потом,
С полетом и последним звездопадом.

Семнадцать лет, я мог бы быть Рембо,
Когда бы не тю-тю после бо-бо
(цитата), не отсутствие Парижа,
Коммуны и твердыни Сакре-Кер.
Я блудодей-монах, а также вор,
И я хотел бы стать к огню поближе.

II

Что в мире мне? Вот взял бы чистый лист,
Да где найдешь? Я бывший гуманист
И коммунист. Все это слишком рано.
Я чувствую дичайший страх и стыд:
«Великая страна — да пусть горит,
Что в ней теперь, когда сгорела Жанна?..»

Эй, вороны, Террор и Невермор,
Где проповедь о бренности?.. Костер
Озвучен только взрывом перебранки.
Язык огня и ветра на губах:
— Да лопнут банки в ваших погребах
И все вообще устойчивые банки!

Косяк летит на теплые места.
С древес познания валится тщета.
Я разучился доверять знаменьям.
Мы дети страшных лет, так что с того?
Не то чтобы не в силах ничего
Забывать, но ведь понятно, что забвеньем

Не окупить уже трудов и дней,
Не упокоить плачущих теней.
Так льется боль всех пленных и бродяжек,
Забывших псов и недобитых птиц,
Ненужных лет и вырванных страниц
В стаканах Христовой Крови без поблажек.

III

И я хотел пятнадцать лет назад
Занять Почтамт и Оперу. Парад
Не получился, только представленья
Без баррикад почти. Дитя зари,
Где этот мир, где руки Жан-Мари,
Где наказание, где преступленья?

На торжищах, на площадях торжеств
Уже не гнев ограбленных божеств,
А только что-то вроде алкоголя
Раскачивает городской бардак
И плавит, но не алкоголь. И так,
Еще на свете есть покой и воля.

Пора благодарить, Флобер-Фламбо,
За жизнь-есть-сон, за пламя Саламбо,
Эмблему Смерти, маску Сладострастья,
Благодарить. Сбирается сей мед,
Седеют девушки. То, что грядет,
Меня не минет. Ну и чем не счастье —

Возможность до конца утратить слух
И рифмовать, как некий Винни-Пух,
Все, что рифмуется? Так я узнаю,
Что наконец в Европу напролом
Вернулся древним пьяным кораблем.
Парижский май! И се, аз умираю.

2000-2003